

УДК 341.491
DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-3-49-54

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

В.П. Коняхин, В.В. Полтавец

Аннотация. Исследована система наказаний в международном уголовном праве с учетом сложившейся в мире геополитической ситуации. Проанализированы имеющиеся подходы международного сообщества к пониманию ее формы и содержания. Представлены дополнительные аргументы в пользу дальнейшей унификации системы наказаний на уровне единого кодифицированного правового акта. Обращено внимание на то, что международный законодатель фактически, учитывая субъектный состав лиц, подлежащих уголовной ответственности, идет по пути формирования трех систем наказаний: для физических (совершеннолетних), несовершеннолетних и юридических лиц. В рамках проведенного исследования дана характеристика отдельных видов наказаний, определены их место и статус. Выявлены основные тенденции дальнейшего развития системы наказаний на ближайшую и отдаленную перспективу. Сделан вывод о необходимости поиска разумного компромисса между происходящими сейчас процессами глобализации и деглобализации (идентификации) во всех сферах жизнедеятельности мирового сообщества. Исходя из понимания современных реалий, аргументирована целесообразность развития региональных подотраслей международного уголовного права.

Ключевые слова: международное уголовное право; система наказаний; вид наказания; глобализация; деглобализация; идентификация.

ЗАМАНБАП ГЕОСАЯСИЙ РЕАЛДУУЛУКТУН КОНТЕКСТИНДЕ ЭЛ АРАЛЫК КЫЛМЫШ-ЖАЗА МЫЙЗАМДАРЫНДАГЫ ЖАЗАЛАР СИСТЕМАСЫ

В.П. Коняхин, В.В. Полтавец

Аннотация. Макалада дүйнө жүзүндөгү учурдагы геосаясий кырдаалды эске алуу менен эл аралык кылмыш-жаза мыйзамдарындагы жазалар системасы изилденген. Эл аралык коомчулуктун анын формасын жана мазмунун түшүнүүгө болгон мамилеси талданды. Бирдиктүү кодификацияланган укуктук актынын деңгээлинде жазалар системасын андан ары унификациялоонун пайдасына кошумча аргументтер келтирилген. Эл аралык мыйзам чыгаруучу иш жүзүндө кылмыш-жаза жоопкерчилигине тартылууга тийиш болгон адамдардын субъекттик курамын эске алуу менен үч жаза системасын түзүү жолун карманганына көңүл бурулат: жеке адамдарга (чондорго), жашы жете электерге жана юридикалык жактарга. Изилдөөнүн алкагында жазанын айрым түрлөрүнүн мүнөздөмөлөрү берилип, алардын орду жана статусу аныкталат. Жазалоо системасын жакынкы жана узак мөөнөттөгү келечекке өнүктүрүүнүн негизги тенденциялары аныкталган. Дүйнөлүк коомчулуктун жашоо-турмушунун бардык чөйрөлөрүндө азыр болуп жаткан глобалдашуу жана деглобализация (идентификация) процесстеринин ортосунда акылга сыярлык компромиссти издөө зарылдыгы жөнүндө тыянак чыгарылды. Заманбап реалдуулуктарды түшүнүүнүн негизинде эл аралык жазык укугунун аймактык бөлүмчөлөрүн өнүктүрүүнүн максатка ылайыктуулугу белгиленет.

Түйүндүү сөздөр: эл аралык жазык укугу; жазалар системасы; жазанын түрү; глобализация; деглобализация; идентификация.

THE SYSTEM OF PUNISHMENTS IN INTERNATIONAL CRIMINAL LAW IN THE CONTEXT OF MODERN GEOPOLITICAL REALITIES

V.P. Konyakhin, V.V. Poltavets

Abstract. The article is devoted to the study of the system of punishments in international criminal law, taking into account the current geopolitical situation in the world. The authors analyzed the existing approaches of the international community to understand its form and content. Additional arguments for further unification of the punishment system at the level of the global codified legal act are presented. It was established that the international legislator, in fact, taking into account the subject composition of persons subject to criminal liability, follows the path of forming three systems of punishment: for individuals, legal entities and minors. Within the framework of the study, a description of certain types of punishments was given, their place and status were determined. The main trends in the further development of the punishment system for the near and long term have been identified. It was concluded that it is necessary to reach a reasonable compromise between the ongoing processes of globalization and deglobalization (identification) in all spheres of life. Based on the understanding of modern realities, the expediency of the development of regional sub-branches of international criminal law is argued.

Keywords: international criminal law; punishment system; type of punishment; globalization; antiglobalization; identification.

Формально-юридический анализ *status quo* современного международного уголовного права с позиции регламентации в нем института наказания позволяет констатировать следующее. В настоящее время названный институт получил неоднозначное нормативное закрепление, объем и полнота которого варьируются в зависимости от вида преступления.

Что касается *международных преступлений*, наблюдается более проработанный и унифицированный подход к решению вопроса о их наказуемости. В качестве кодифицированного нормативного источника здесь выступает Римский Статут Международного Уголовного Суда от 17 июля 1998 г. (далее для краткости – Римский Статут)*, в ст. 77 которого легально зафиксирована система наказаний за эти преступления**. Все наказания в данном случае классифицируются на два основных (срочное лишение свободы и пожизненное лишение свободы) и два дополнительных (штраф и конфискация доходов, имущества и активов, полученных в результате совершения преступления) вида.

Что касается преступлений международного характера, то в большинстве источников их наказуемость определяется исключительно

самым общим образом либо путем упоминания лишь о степени таковой («суровые меры наказания»). Яркой иллюстрацией этому служит ст. 3 Шанхайской конвенции 2001 г., посвященная вопросам противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму, где зафиксировано, что соответствующие деяния должны влечь наказание сообразно степени их тяжести [1]. Как исключение, в отдельных международных договорах только упоминается конкретный вид либо виды наказаний. В качестве примера можно сослаться на ст. 36 Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г., ст. 12 Конвенции об охране подводных телеграфных кабелей 1884 г., п. 7 ст. 30 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. и иные нормативные предписания. К сожалению, приведенные примеры свидетельствуют об отсутствии единой системы наказаний за названные преступления на уровне кодифицированного нормативного правового акта. Между тем, от этого во многом зависит гармонизация санкций международных уголовно-правовых норм, эффективность применения наказания в целом, а также оптимизация порядка имплементации соответствующих предписаний в национальное уголовное законодательство.

* В настоящее время Римский Статут ратифицировали 122 государства. Россия 13 сентября 2000 г. подписала, но не ратифицировала этот Статут, а в 2016 г. уведомила Генерального секретаря ООН о своем нежелании становиться его участником.

** Впервые на официальном уровне виды наказаний за международные преступления были установлены в Уставе Международного Военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси 1945 г., где в таком качестве фигурируют смертная казнь или другое наказание, которое Трибунал признает справедливым (ст. 27), а также предусмотрена возможность отобрания у осужденного награбленного имущества (ст. 28).

Если же все-таки попытаться на доктринальном уровне интегрировать соответствующий нормативный материал, то можно смоделировать следующую систему наказаний, построенную по мере усиления их карательного потенциала.

Штраф традиционно признается мировым сообществом наименее суровым видом наказания, статус которого в различных нормативных правовых источниках определяется неидентично: в качестве основного (ст. 12 Конвенции об охране подводных телеграфных кабелей 1884 г.), дополнительного (ст. 77 Римского Статута) либо смешанного (п. «а» ч. 4 ст. 3 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ 1988 г.).

Лишение права на занятие установленных должностей либо занятие отдельными видами деятельности в большинстве случаев выступает в качестве дополнительного наказания (п. 7 ст. 30 Конвенции ООН против коррупции 2003 г.).

Конфискация имущества в международном уголовном праве имеет «двойственный статус», воплощая в себе признаки не только наказания, но и иной меры уголовно-правового воздействия [2, с. 61–77].

Наиболее распространенным и типичным видом наказания в силу объективных причин в рассматриваемой сфере является **лишение свободы**. При этом для его обозначения используется различная терминология: «арест» (ст. 12 Конвенции об охране подводных телеграфных кабелей 1884 г.), «тюремное заключение» или «иной способ лишения свободы» (ст. 36 Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г.). В пункте «а» ст. 77 Римского Статута установлено, что срочное лишение свободы исчисляется в годах, предельная продолжительность которых не может превышать тридцати лет.

Согласно пункту «б» ст. 77 Римского Статута, **пожизненное лишение свободы** является самым суровым видом наказания, обладающим наибольшим объемом репрессивного

воздействия. Его применение возможно только тогда, когда речь идет о тягчайших преступлениях, в ходе которых негативно проявились личностные особенности виновного.

Далеко неоднозначно в международном уголовном праве оценивается роль и сфера применения **смертной казни**. Изначально ст. 2 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [3], провозглашая право каждого на жизнь, предусматривала в качестве исключительного случая возможность применения смертного приговора, когда законом предусмотрено такое наказание*. Эта позиция нашла свое отражение также и во многих иных международных правовых актах, закрепляющих право на жизнь основным и неотъемлемым правом каждого человека (например, в ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.). На более позднем этапе позиция международного законодателя к смертной казни была уточнена: предусмотрели ее отмену в мирное время и одновременно установили возможность применения в военное**.

Пристальное внимание мирового сообщества обращено также к вопросу об уголовном наказании несовершеннолетних. Это обусловлено не только необходимостью реализации принципов гуманизма и справедливости, но и прежде всего осознанием уровня психофизического развития несовершеннолетних, отсутствием у них на момент совершения преступления сформированных жизненных ориентиров и достаточного опыта. Именно в рамках ювенальной юстиции международный законодатель ратует за расширение сферы применения альтернативных тюремному заключению мер. В связи с этим, Пекинскими правилами 1985 г. предусмотрен широкий комплекс мер воздействия, которые непосредственно касаются организации опеки и надзора за несовершеннолетними, проведения групповых занятий, применения probation и наказаний, не связанных с изоляцией лица

* См., например, ст. 1–2 Протокола № 6 относительно отмены смертной казни 1983 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.; ст. 2 Хартии основных прав Европейского Союза 2000 г.; ст. 1–3 Протокола № 13 об отмене смертной казни при любых обстоятельствах 2002 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.; ст. 1–2 Второго Факультативного Протокола, направленного на отмену смертной казни, 1989 г. к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г.

** Там же.

(общественных работ, различных финансовых наказаний, компенсации и реституции).

В свете изложенного важно особо подчеркнуть, что в современных условиях достаточно часто на уровне международных правовых актов звучат настоятельные рекомендации о расширении в целом сферы применения мер уголовно-правового воздействия, не связанных с изоляцией лица. В качестве примера в Токийских правилах 1990 г. приведено значительное количество подобных мер, в большинстве своем апробированных практикой применения внутринационального законодательства различных государств, таких как: устные санкции, условное осуждение, предоставление отсрочки, меры финансового характера либо связанные с трудовой деятельностью, реституция и компенсация, направление в исправительное учреждение с обязательным ежедневным присутствием и иные меры, не требующие тюремного заключения [4].

Несмотря на осознание особого правового статуса юридических лиц и закрепления возможности их привлечения к уголовной ответственности, международный законодатель не предусмотрел для них отдельной системы наказаний. Разрозненные международные правовые акты, как правило, содержат лишь рекомендации о необходимости назначения эффективных, соразмерных и сдерживающих уголовных санкций, в том числе финансового характера (либо денежных санкций).

Тем не менее, в разделе II «Санкции» Приложения к Рекомендациям СЕ № R88(18) достаточно полно раскрывается перечень возможных видов наказаний для указанной категории виновных, среди которых закреплены меры финансового характера (штраф или иная финансовая санкция, конфискация имущества, лишение финансовых привилегий и субсидий, запрет на рекламу, отзыв лицензии и т. д.) и меры исключительно предупредительного воздействия (предупреждение, выговор, обязательство, занесенное в судебный протокол и т. д.). Перечисленные меры могут быть назначены как по отдельности, так и совместно, в качестве основных и дополнительных, с отсрочкой или без таковой [5].

Подводя итог, следует заключить, что в настоящее время в международном уголовном

праве параллельно сосуществуют **кодифицированная и некодифицированная** внешние формы закрепления системы наказаний, что не всегда позитивно сказывается на уровне ее эффективности. В особенности это затрудняет унификацию системы наказаний на уровне внутринационального законодательства, а значит, усложняет процесс правоприменения в случае привлечения лица к уголовной ответственности за совершение международных преступлений или преступлений международного характера. Поэтому, как уже ранее отмечалось одним из авторов данной статьи, «заглядывая в обозримое будущее, можно прогнозировать, что дальнейшее развитие международного уголовного права будет направлено на постепенное преодоление отмеченного дуализма в его построении (имеется в виду некодифицированная и кодифицированная формы его внешнего выражения). С одной стороны, будучи прогрессивной, кодифицированная форма со временем и под влиянием внутринационального правотворческого опыта вытеснит либо поглотит некодифицированную форму. С другой стороны, будучи самодостаточной, кодифицированная форма со временем и опять-таки под влиянием внутринационального правотворческого опыта продолжит развитие за счет собственных резервов, в частности за счет обеспечения большей консолидации и последовательности изложения нормативного материала» [6, с. 524].

Вместе с тем, нельзя не учитывать, что в современный период в мире происходят значительные трансформации, непосредственно затрагивающие все сферы жизнедеятельности человека. Кризисные явления в экономике, изменение геополитического характера, глобальные миграционные процессы, дисбаланс в международных отношениях, вооруженные противостояния – все это требует своевременного правового реагирования как на национальном, так и на наднациональном уровнях. Еще совсем недавно (до обострения геополитической ситуации, было возможным наблюдать ярко выраженные процессы глобализации, представляющей собой качественно новые условия интегрированности, целостности и взаимозависимости мироустройства. Названное явление предполагало трансформацию

внутринационального законодательства с учетом единых общемировых стандартов, которые прежде всего касаются понимания основополагающих уголовно-правовых институтов: преступления и наказания.

Однако, в последнее время все более явно проявляется обратная тенденция, направленная на идентификацию внутринационального (в том числе, уголовного) законодательства, предполагающая соблюдение баланса внутренних и внешних интересов государства. Основной задачей внутринационального уголовного законодательства сейчас является обеспечение интересов своего народа, национальной безопасности, государственного суверенитета, территориальной целостности, а также мира и безопасности человечества. Провозглашая собственный путь развития, Россия ставит в приоритет национальную правовую идентичность и юрисдикцию национального законодательства, основываясь при этом на общепризнанных принципах справедливости и демократизма, основных идеях, закрепленных в Уставе ООН и в иных ратифицированных нашим государством международных актах [5]. Подобный подход обусловлен обострением имеющихся противоречий в мировом масштабе в совокупности с осознанием необходимости объединения общих усилий в сфере противодействия преступности. Однако при разрешении данных вопросов опора исключительно на внутринациональное законодательство будет недостаточно продуктивной в силу его ограниченной юрисдикции, в связи с чем требуется использование возможностей международного правового воздействия.

Международное уголовное право, обладая весьма существенным, но в то же время ограниченным инструментарием, выступает последним бастионом охраны прав и свобод не только отдельно взятой личности, гражданина, но и миропорядка в целом. Эффективность применения его ресурсов обусловлена степенью воплощения идеи глобализации, соблюдением основных международных принципов и существующих договоренностей. В этой связи министр иностранных дел РФ С.В. Лавров 4 августа 2022 г., принимая участие в работе постминистерской конференции в формате «Россия – Ассоциации

государств Юго-Восточной Азии» (АСЕАН), справедливо указал на то, что в текущих геополитических реалиях востребованы не новые разделительные линии, а наведение «мостов» и объединение усилий. По его мнению, важно, что государства-участники конференции объединяет твердая приверженность к формированию более справедливого и демократичного многополярного мироустройства с опорой на международное право и, прежде всего, на принципы Устава ООН [7]. Отсюда можно заключить, что в настоящее время важно найти *разумный компромисс* между происходящими сейчас процессами *глобализации* и *деглобализации (идентификации)* во всех сферах жизнедеятельности мирового сообщества, в том числе при регламентации системы наказаний за международные преступления и преступления международного характера) [8]. В этом отношении весьма знаковым и значимым как на ближайшую, так и на отдаленную перспективу выглядит процесс формирования на общепланетарном уровне региональных подотраслей международного уголовного права: европейского, евроазиатского, латиноамериканского, африканского и т. д. Это позволит при сохранении единства в главном (незыблемом соблюдении всеми Устава и других основополагающих документов ООН) учесть специфику, обусловленную культурно-цивилизационными, религиозными, историческими и правовыми традициями, характерными для целого ряда групп стран [9].

Поступила: 01.11.22; рецензирована: 14.11.22;
принята: 16.11.22.

Литература

1. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года // Собрание законодательства РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.
2. Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2009.
3. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
4. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении

- мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) от 14 декабря 1990 года (приняты Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (дата обращения: 20.08.2022).
5. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 29 ноября 1985 года (приняты Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). URL: http://www.un.org/ru/documents/instruments/docs_ru.asp?year=1980 (дата обращения: 21.02.2022).
 6. Рекомендация Комитета министров Совета Европы «Об условно-досрочном освобождении» от 24 сентября 2003 года. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=27458#0> (дата обращения: 21.02.2022).
 7. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц / Б.В. Волженкин. СПб.: Санкт-Петербургский институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998.
 8. Российское уголовное право. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2014.
 9. Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе Постминистерской конференции Россия – АСЕАН. Пномпень, 4 августа 2022 года. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1825066/ (дата обращения: 20.08.2022).